

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

Над созданием коллекции работали:

**Вересов Сергей,
Гаврилова Мария,
Гапанович Ольга,
Курганова Юлия,
Мишина Вера,
Моисеева Валентина,
Никитин Александр,
Овчаренко Екатерина,
Прокофьева Елена,
Прокофьева Светлана,
Татаринов Виктор,
Урядина Юлия,
Хрусталева Елена**

СЕВГИ
АДЫВАР

Тень
Роксоланы

Исторический роман

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А32

Севги, Адывар
А32 Тень Роксоланы. Исторический роман/ Айрат Севийорум. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-092248-2 (АиФ. исторический роман)
ISBN 978-5-17-092683-1 (Великолепный век)

Пять сотен лет назад простая рабыня встала за плечом одного из могущественнейших правителей мира. Ею двигала не любовь, а оскорбленная гордость и стремление отомстить тем, кто разрушил ее жизнь. Эта женщина не останавливалась ни перед чем на пути к власти и устраняла конкуренток любыми способами. Но за все надо платить! Что возьмет судьба взамен у потомков всеильной султанши? И за что ей придется заплатить самой?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092248-2

ISBN 978-5-17-092683-1

ISBN 978-5-17-092248-2
(АиФ. исторический роман)
ISBN 978-5-17-092683-1
(Великолепный век)

© Адывар Севги, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Протяжные голоса муэдзинов летели над Стамбулом, проникая во все переплетения улочек, облетая площади. Они запутывались в шелковых занавесках дворцов и утыкались в глинобитные стены бедных хижин. С балконов минаретов всех мечетей доносился азан, и правоверные мусульмане спешили на намаз.

— Хайя ‘аля с-сая́х! — голосили муэдзины. —
Спешите на молитву!

— Ля хауля ва-ля куввата илля би-Ллях! — вторили правоверные. — Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха!

— Хайя ‘аля ль-фаля́х! — призывали, казалось, сами небеса. — Спешите к спасению!

— Ля хауля ва-ля куввата илля би-Ллях! — утверждали правоверные. — Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха!

Под голоса муэдзинов золотая солнечная монета отражалась в густой синеве Босфора, разбиваясь на мелкие кусочки в волнах, плаваясь нестерпимым для глаз блеском. И морская гладь сверкала золотом павшей империи, золотом войн и грабежей, золотом чиновников, золотом великих султанов. Розы в садах качались под тихим ветерком с моря, щедро делясь своим ароматом, вплетающимся в соленый аромат гавани. Их алые лепестки трепетали, как неж-

ные губы гаремных красавиц, обещали все наслаждения рая, поцелуи гурий и обманывали, обманывали без счета. Мечети и медресе, дворцы и хижины ловили окнами солнечные лучи, и город сверкал, как драгоценный камень в оправе из морских вод.

В жаркий день Стамбул грезил о прошедшем золотом веке, о султанах — мудрых, жестоких и справедливых, об очаровательных наложницах, которые делали повелителя счастливым, об успешных походах и великих завоеваниях. Неслышно вышагивали по улицам янычары, их усы казались особенно длинными на фоне гладко выбритых подбородков, белые войлочные колпаки — юскюфы — гордо торчали вверх. Бесшумно переступали тонкими ногами кони, и в седлах их чванливо выпрямляли спины богато одетые всадники. Уличный торговец в полосатом халате открывал беззвучно и широко рот, чтобы зазвать покупателей — он протягивал поднос со свежим лукумом. Другой хлопотал у прилавка с разноцветными тканями, и казалось, что яркие тропические птицы присели перед ним, расправив диковинные перья. Беззвучно грохотали таверны, переполненные людской разноголосицей, и вспухал человеческим морем базар, доверху набитый товарами, сплетнями и пересудами. А над всем этим великолепием плыли, обкусанные временем, в солнечном мареве стены султанского дворца Топкапы — стены, видевшие любовь и ненависть, кровь и счастливый детский смех, торжествующие улыбки и горь-

кие слезы, взлеты и падения, казни и небывалые торжества...

Стамбул грезил о былом величии...

* * *

Женщина была стара. Шестьдесят пять весен пролетели над ней, оставив лишь воспоминания о цветущих садах. А чувствовала она себя куда как старше, совсем, совсем древней. Уж очень много воспоминаний таилось в опавших и давно высохших лепестках. Но она помнила все. Частенько, сидя на балконе и вдыхая сладкие ароматы сада, она перебирала старые, хрупкие воспоминания, будто сухие цветы. Они крошились в ее тонких пальцах с распухшими суставами, но она бережно подбирала каждую крошку, не желая упустить ничего. Большинство воспоминаний вызывало у нее слезы, и она упивалась каждой соленой капелькой, стекающей по морщинистым щекам. Она любила эти слезы. Они доказывали, что она еще жива.

Она помнила объятия султана и счастливый смех своего сына. И эти воспоминания были самыми любимыми. Жаль, что приходили они очень редко, ведь счастье длилось совсем недолго, а затем настали длинные, длинные унылые дни, наполненные душевными муками, когда даже солнечный свет казался серым, а блеск волн Босфора туманился в глазах, представляясь жутким провалом, входом в царство шайтана. Но женщина знала, что вход этот вовсе не в волнуемое море. Настоящий вход в загробный и страшный

мир был здесь, в воротах роскошного султанского дворца, и охраняли его не демоны с вилами или духи мертвецов, а янычары, облаченные в алые кафтаны, и с сабель их стекали на землю сияющие капли отрубленных солнечных лучей, превращаясь в кровавые лужицы.

Но чаще старуха не плакала, а гневалась. И тогда лицо ее наливалось синеватой краснотой, а морщины разглаживались — кожу распирало яростью. Она шептала:

— Хюррр-рем... Хюррр-рем... — обвиняя отсутствующую во всех своих бедах.

Хюррем — это значит Смеющаяся. Но в устах старой женщины веселое и нежное прозвище дышало опасностью, мрачными тайнами и животной злобой. Хюр-хюр — рычит дикий зверь... Рррем-рррем — пересыпается песок под брюхом ползущей ядовитой змеи...

— Хюррем... — шипела старая женщина. — Ты... ты... ты... Хюррем...

Иногда старуха качала резную колыбель, искусно изготовленную мастером из драгоценного черного дерева, растущего в далекой Африке, нежно напевала хрипловатым голосом:

— Спи, мой маленький шахзаде, спи... Ты будешь властелином мира... Мой Мурад, твой отец — великий султан, он любит тебя...

Колыбель была пуста.

Покачив колыбель, старуха заглядывала в нее, поправляла пожелтевшие, слежавшиеся тряпки, а затем начинала царапать свое лицо, причитая:

— Хюррем... Хюррем... Убийца... Колдунья...

Она проклинала и плакала, а потом приходила служанка, уносила колыбель и бережно обмывала лицо старухи теплой водой, растирала ее скрюченные пальцы, смазывала царапины на щеках целебной мазью. После этого старуха успокаивалась и требовала подать свежей халвы, но не ела, а лишь смеялась, глядя на тарелку с кушаньем. Смех ее был похож на воронье карканье над старыми могилами.

— Уноси, — говорила она служанке, отсмеявшись. — Еще не время.

Служанка покорно уносила халву и съедала ее сама. А старуха сидела среди атласных подушек с потускневшим серебряным шитьем, мечтала о чем-то неведомом, иногда улыбалась. Улыбка ее была страшна, и служанки, стоявшие у дверей, вздрагивали, заметив, как дергаются иссохшие бледные губы. Служанки молились, чтобы их отправили в другие покои, прислуживать другим хатун и султаншам, или даже просто убираться во дворец. Лишь бы не оставаться с этой выжившей из ума старухой. К ней девушек отправляли в наказание.

— Хюррем... — беззвучно шептала старуха. — Подожди, я почти готова...

Но иногда ей хотелось просто поговорить, и эти моменты служанки любили. Она разговаривала с девушками почти как с равными. Все равно ей больше не с кем было говорить — старуху навещали очень редко. Она рассказывала служанкам уди-

вительные истории, похожие на сказки. Но все знали: каждое слово в этих историях правда и всем событиям старуха была свидетельницей. И это было интереснее всего.

Часть первая

Рассвет
над Топкапы

Рассвет — самое непрочное, ненадежное время суток. Это обещание, которое чаще всего нарушается. Хрустальная непрочная прозрачность и ясная утренняя чистота вовсе не означают, что день будет безоблачен и хорош. Безветренная благодность рассветных часов скорее являются затишьем перед грозной бурей, чем предвестником теплого приятного дня. Но при этом рассвет всегда является временем надежд. И даже если он сер и дождлив, всегда хочется надеяться на лучшее. И всегда находится кто-то, кто посмотрит на затянутое тучами небо, задумчиво почешет в затылке и скажет: «А ничего, еще распогодится, вон ветерок какой бодрящий, он эти облака вмиг разгонит!» И все слушают такого пророка, впуская в сердце радостное ожидание. Пусть даже оно не сбудется, но ведь впереди — новые рассветы, а значит, и новые надежды. Столь же эфемерные, как и предыдущие. И лишь тот, кто сжимает зубы, прорываясь через сладость рассвета с упрямством видящего высшую цель, достигает ее, и тогда сбываются все надежды, как бы ни были они хрупки изначально. Сбывается даже самое безумное, невозможное.

* * *

Ибрагим Паргалы, бывший христианин, а ныне — правоверный мусульманин, не пропу-

скающий ни одного намаза, начинающий любое дело именем Аллаха — Бисмилляхи Рахмани Рахим! — пребывал в глубокой задумчивости. Уголок левого глаза его подергивался, губы под усами кривились — размышления явно были неприятны.

Седат-ага, охранник, стоявший у дверей и ожидавший знака от господина, удивлялся: почему это он недоволен? Ведь Ибрагим Паргалы еще вчера был всего лишь сокольничим молодого наследника престола, а сегодня он хранитель покоев великого султана, лучший друг этого султана, и несть числа благодеяниям, которыми осыпает его повелитель, а будет еще больше. Седат тихонько вздохнул: ему очень хотелось оказаться на месте молодого хранителя покоев (всего-то двадцать семь лет, совсем юнец!), уж он бы не сидел с кислой физиономией меж пухлых подушек, расшитых шелком и серебряной нитью, он бы знал, как распорядиться привалившим счастьем!

А Ибрагим все морщился, вздыхал, крутил на пальце массивный перстень с бесценным рубиновым кабошоном, нервно подергивал плечом. Подушки казались ему набитыми камнями, виноград был кислым, хурма слишком жесткой и вязкой, а шербет явно отдавал горечью. Ибрагим Паргалы вспоминал...

Шорох морских волн, долетавший до него из открытого окна, напомнил Ибрагиму родную Паргу, и он вновь увидел мысленным взором каменистый берег, почувствовал под босыми ногами

пузырящуюся прохладу морской пены, оседавшей на камнях, а руки его ощутили теплые, нагретые солнцем борта лодки, и отец широко улыбнулся ему, бросая веревку.

— Тео! Эй, Тео! Не спи, привязывай лодку! — кричал брат, похожий на него как две капли воды. — Тео!

Никакое дерево не греется на солнце так, как лодка — мягкое тепло, ласкающее ладони, льнущее к ним, как морская волна. А море пахнет солью и йодом, толстолистыми фиолетовыми водорослями, что высыхают до пыльного хруста, выброшенные волнами на берег, и еще рыбой — пронзительный рыбный запах повсюду, въедается в одежду, заполняет грудь, а чешуя сверкает на солнце, и кажется, что лодка полна расплавленным серебром...

Ах, Нико, Нико... Сколько воды утекло, ею можно было бы наполнить все моря мира! И эта вода разделила братьев, которые раньше были неразлучны и неразличимы. Вот только у Нико был смешной хохолок на макушке, своенравная прядь, которая торчала вверх, сколько ее ни приглаживай. Да Нико всегда запрокидывал голову, когда смеялся, будто хотел увидеть солнце и поделиться с ним своим весельем. А Тео никогда не хохотал так весело, а лишь улыбался, растягивая губы, но в глазах его всегда был строгий холод и странная, нехарактерная для сына рыбака задумчивость. Только когда братья печалились, их лица становились совершенно одинаковыми.